

Лейкин Николай Александрович

Дачные страдальцы

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Александрович Л.**
Дачные страдалцы / Лейкин Николай Александрович – М.: Книга по Требо-
ванию, 2022. – 247 с.

ISBN 978-5-519-92948-6

Содержание. Дачные страдалцы; В дачном поезде; Дачный жених;
На уроке; Прощальный вечер; Дача по объявлению

ISBN 978-5-519-92948-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ДАЧНЫЕ

СТРАДАЛЬЩИ.

Дачные страдальцы.

I.

Въ дачный поѣздъ Финляндской желѣзной дороги, отправляющійся по направленію къ Выборгу, входитъ среднихъ лѣтъ бородачъ въ резиновой накидкѣ и форменной фуражкѣ одного изъ гражданскихъ вѣдомствъ. Въ рукахъ громадный портфель. На пуговицахъ пиджака висятъ пакетики съ покупками; такіе-же пакеты въ синихъ и желтыхъ оберточныхъ бумажкахъ торчатъ изъ кармановъ пиджака. Раскланявшись съ пассажирами, ѣздящими съ нимъ ежедневно въ эти часы, онъ усаживается у окна на скамейкѣ и, отдуваясь, дѣлаетъ продолжительный звукъ—„фѹ-у-у“.

— Устали?—участливо спрашиваетъ его отставной военный въ форменномъ пальто съ поперечными штабъ-офицерскими погонами.

— Еще-бы не устать-то! Два раза въ день четыре способа передвиженія испытываешь да вотъ по эдакой погодѣ-то, такъ не угодно-ли?.. Вѣдь сегодня хорошій хозяинъ собаки изъ дома не выгонитъ,

а я всталъ въ семь часовъ утра да и—иди, иди, какъ вѣчный жидъ. Бѣги пѣхтурой, влѣзай въ таратайку, пересаживайся съ таратайки въ поѣздъ желѣзной дороги, съ желѣзной дороги въ конку, отъ конки до службы опять бѣги. Да утромъ-то еще ничего—налегкѣ, безъ поносовъ, а вотъ извольте-ка на обратномъ пути четыре способа передвиженія перемѣнить, пока до дачи-то доберешься! Да что я... Пять способовъ, а не четыре. Со службы отъ Исаакіевской площади въ Гостинный дворъ на извозикѣ. Да еще насилу нашелъ! Не везутъ въ дождь, подлецы, меньше полтинника въ конецъ, словно сговорившись. А какъ за такой конецъ дать полтинникъ? Искать за три гривенника. Нашелъ на-конецъ, поѣхалъ. На извозикѣ—разъ, по Гостинному и около него пѣшкомъ гонялъ—два, потомъ въ Михайловской въ конку сѣлъ—три, изъ конки пересѣлъ на желѣзную дорогу—четыре, да отъ желѣзной дороги до своей дачи въ Шуваловѣ придется въ таратайкѣ трястись—пять. Вотъ вы и разочтите, какъ тутъ не устать! Каторжный, буквально каторжный.

Опять продолжительное „фу-у-у“. Бородачъ, отличающійся нѣкоторою тучностью, снялъ съ головы форменную фуражку, вынулъ носовой платокъ и отеръ потный лобъ и лицо и наконецъ закурилъ папироску. Видъ его былъ на самомъ дѣлѣ страдальческій. Воротничекъ сорочки, выглядывающій изъ-подъ бороды, и рукавчики смокли, волосы на головѣ прилипли къ вискамъ.

— И такъ каждый день?—спросилъ участливо отставной военный.

— Каждый день, кромѣ табельныхъ. Началь было субботы урывать—коситься стали.

— Нѣтъ, я больше трехъ разъ въ недѣлю не ѣзжу, да и то...

— Вамъ что! Вамъ, стало быть, съ полъ-горя. А тутъ каждый день, каждый день. А вотъ вчера и сегодня по дождю-то не угодно-ли! Вѣдь на мнѣ только слава, что непромокаемый плащъ надѣтъ, а съ фуражки за шиворотъ-то все-таки льетъ.

— А приѣдете домой, опять будете, поди, работать? Вѣдь вонъ съ вами какой портфель. Даже можно сказать не портфель, а портфелище,—разспрашивалъ отставной военный.

— Чего-съ? Работать? Дома еще работать?—обидчиво и съ какимъ-то азартомъ воскликнулъ бородачъ.—Нѣтъ, ужъ слуга покорный! И каторжникамъ дается отдыхъ.

— Такъ зачѣмъ-же вы такой громадный портфель съ бумагами съ собой таскаете?

— Да это у меня портфель не съ бумагами. Только этого и не доставало, чтобъ съ бумагами былъ! Тутъ у меня закупки разные. Жена у меня каждый день дѣлаетъ порученій всякихъ бездну. И того купи, и этого возьми... Ну, пакеты все мелкіе, покупаешь и берешь все въ разныхъ мѣстахъ, карманы ужъ не вмѣщаютъ — вотъ я въ портфель все и складываю. Нарочно для этого и портфель съ собой беру.

— А я думалъ, съ бумагами-и...—протянуль отставной военный.

— Богъ съ ними, съ бумагами! Лѣтомъ и на службѣ-то бумагами тяжело заниматься. Приѣдешь въ присутствіе усталый, измученный, голодный... Черезъ полчаса завтракъ. То есть ежели хотите, то бумаги въ портфель у меня есть, но какія? Газеты, оберточныя... Книги женѣ изъ библіотеки взялъ: „Графиня де-Монсоро“ и романъ Мопассана. Есть нумеръ моднаго журнала для нея. Есть, есть бумаги...—улыбнулся бородачъ.—А то тутъ у меня такія вещи: бутылка прованскаго масла, новые полусапожки маленькому сынишкѣ, удочка для гимназиста, двѣ губки, женинъ корсетъ изъ починки, кусокъ тесемокъ, два куска мыла, кое-что изъ аптекарскаго магазина, три игры старыхъ картъ и копченая камбала. Два послѣдніе предмета ужъ для себя. Не все-же для людей.

— Да, копченая камбала—это прелесть,—проговорилъ отставной военный и даже сладко проглотилъ слюну отъ удовольствія.

— Еще-бы не прелести!—прошамкалъ бородачъ и облизнулся отъ превъшенія блаженства.—Камбала—это восторгъ что такое! Вотъ сейчасъ приѣду домой, вонжу въ себя хорошую рюмку водки и камбалой... Да когда еще, впрочемъ, приѣдешь-то!—махнулъ онъ рукой.—Вотъ еще и не тронулись... Поѣздъ ползеть, какъ черепаха... На Ланской остановка, въ Удѣльной остановка, въ Озеркахъ, въ Шуваловѣ. . А тамъ на таратайкѣ трясись. Эхъ,

жизнь! Только слава, что дача. Не будь жены и дѣтей—никакими коврижками меня на эту дачу никто не заманилъ-бы.

— А повинтить есть съ кѣмъ?—задалъ вопросъ отставной военный.

— Обязательно. Только это-то и скрашиваетъ нѣсколько дачную жизнь. А ужъ не будь этого—прямо ложись въ гробъ и умирай. Теперь мы винтимъ все больше съ сосѣдами. Почтенный такой протопопъ одинъ около меня на дачѣ живетъ.

— Не люблю я съ ними. Очень ужъ осторожно играютъ.

— Ну, не скажите. Этотъ ярый, самый ярый... Вотъ тутъ отъ меня нѣсколько подальше дьяконъ изъ какаго-то казенно-учебнаго заведенія живетъ, такъ этотъ, дѣйствительно, и думаетъ очень долго и каеъ-то прижимистъ... Потомъ докторъ одинъ. Тоже изъ поповичей. Ну, я, жена—вотъ насъ партія и есть.

— Курсъ, разумѣется, маленькій?

— По сотой играемъ. Вотъ изъ-за этого старыя карты изъ влуба и вожу. Не стоитъ новыхъ-то покупать. Ахъ, гвоздей обойныхъ забылъ купить!—воскликнулъ бородачъ и досадливо почесалъ затылокъ.—Жена просила гвоздей обойныхъ. И, навѣрное, что-нибудь еще забылъ,—продолжалъ онъ.—Дай-ко, просмотрю списокъ и провѣрю. Ужъ очень много заказовъ. Просила она меня бисквитъ фунтъ купить. Ну, этихъ я умышленно не купилъ, хотя и знаю, что за это будетъ мнѣ гонка. Судите сами,

Дачные страдальцы.

какъ тутъ бисквиты провезти по эдакому дождю! Въ булочной положить въ корзинку, чуть—чуть прикроютъ тоненькой бумажкой—ну, и размокнуть всё. А навѣрное, и кромѣ гвоздей, я что-нибудь забылъ. Надо провѣрить.

Бородачъ досталъ изъ боковаго кармана записную книжку.

— Вотъ у меня цѣлая бухгалтерія съ собой возится и навѣрное за лѣто вся будетъ подписями покрыта, — прибавилъ онъ и сталъ смотрѣть въ книжку. — Банка одеколону куплена, персидскій порошокъ купленъ, клей столярный...

— Бросьте. Охота провѣрять! Вѣдь ужъ теперь все равно того, что не куплено, достать нельзя: Не выходить-же изъ поѣзда, — посоветовалъ отставной военный.

— И то бросить, — сказалъ бородачъ и спрягалъ въ карманъ книжку.

Свистокъ. Поѣздъ тронулся.

II.

Тукъ, тукъ, тукъ, — стучить дачный поѣздъ желѣзной дороги, только что вышедшій изъ Петербурга и увозящій домой дачниковъ, побывавшихъ на службѣ. Въ поѣздѣ все больше мужчины. Мелькаетъ передъ ними въ окнахъ сле-

зящееся сѣрое небо, развалившіяся постройки пригорода и огороды, мокрые огороды безъ конца, на болотистомъ и никогда не просыхающемъ грунтѣ которыхъ только и можетъ родиться одна кочанная капуста. Виднѣются среди грядъ то тамъ, то сямъ пестрые головные платки бабъ-полольщицъ, жалкихъ, мокрыхъ отъ поливающего ихъ дождя. Какой-то бакенбардистъ въ очкахъ, пріютившійся въ углу вагона, смотритъ въ окно на бабъ и говоритъ:

— Каково это имъ цѣлый-то день подъ дождемъ!

— Ну, батюшка, въ дождь и намъ, дачникамъ, не слаще, — отеликается усатый господинъ въ полинялой и скоробленной отъ дождя сѣрой шляпѣ и сѣромъ пальто-крылаткѣ. — Я самъ весь мокрый. Угораздило сегодня утромъ подъ такой дождь попасть, пока ѣхалъ съ дачи на таратайкѣ на поѣздъ, что и по сейчасъ высохнуть не могу. Да и еще предстоитъ мочиться.

— Развѣ безъ зонтика?

— Есть зонтикъ, но вывернуло его вѣтромъ и принужденъ былъ свернуть. Послѣ перваго числа, получа жалованье, думаю непромокаемое пальто купить.

— Не покупайте. Только одно названіе, что непромокаемое. А какъ намокнетъ, то еще хуже начнетъ отдавать отъ себя сырость. Я черезъ него, проклятое, ревматизмъ получилъ. Вся штука, что оно воздуху не пропускаетъ. Всѣ ваши испаренія

остаются у васъ на тѣлѣ и переходятъ въ ваше платье, вы и прѣдете въ собственномъ парѣ.

— Гмъ... Это надо принять къ свѣдѣнію,—бормочетъ бабенбардистъ въ очкахъ, вынимаетъ изъ кармана сырую газету, развертываетъ ее, надѣваетъ на носъ пенснѣ поверхъ очковъ и начинаетъ читать, но тотчасъ-же закрываетъ глаза и отдается дремотѣ.

Онъ начинаетъ клевать носомъ, газета выпадаетъ изъ рукъ, пенснѣ сваливается. Онъ спохватывается, поднимаетъ газету и свертываетъ ее снова.

— Сморило?—спрашиваетъ его усатый господинъ.

— Еще-бы не сморить, ежели въ шесть часовъ утра поднимаешься!

— Что такъ рано?

— Иначе мнѣ на службу не поспѣть. Вѣдь таратайки не каждый день попадаются утромъ, а надо на пѣхтуру рассчитывать. Охъ, тяжела ты, шапка дачника! Что я? Для чего я живу на дачѣ? Встанешь спозаранку — бѣжишь на поѣздъ, вернешься домой раскисшій, только-бы до постели. Не доспишь, не доѣшь, не допьешь. Вотъ сегодня... Цѣлый день мокрый и высушиться было негдѣ. Вернешься къ себѣ на дачу—опять въ сырость.

— Дача-то, поди, съ протекціей?—улыбается усачъ.

— Ужъ само собой. За сто двадцать пять рублей въ лѣто безъ протекціи не бываетъ.

— Ну, я и двѣсти плачу, да и то у меня потоки по стѣнѣ. Вѣдь дождь-то какой! Три дня безъ просвѣта.